

Азбука
PREMIUM

КНИГИ

ОРХАНА ПАМУКА

в серии «Азбука Premium»:

Джевет-бей и его сыновья

Дом тишины

Белая крепость

Черная книга

Новая жизнь

Имя мне – Красный

Другие цвета

Снег

Стамбул. Город воспоминаний

Музей Невинности

Мои странные мысли

Рыжеволосая Женщина

ОРХАН ПАМУК

ДРУГИЕ ЦВЕТА

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44
П 15

Orhan Pamuk
ÖTEKI RENKLER
Copyright © 2006, Orhan Pamuk
All rights reserved

Перевод с турецкого Аполлинаруи Аврутиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-08967-9

© А. Аврутина, перевод, 2007
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга сложилась из идей, образов и фрагментов моей жизни, которые еще не нашли отражения в романах. Я объединил их в сонное непрерывное повествование. Иногда меня удивляет, что я не сумел вместить в свои романы все мысли, которые, как мне кажется, стоят внимания. Странные моменты жизни, незначительные повседневные эпизоды, которыми мне хочется поделиться с другими, и слова, что, наполняя меня радостью и силой, идут из сердца, не сливались воедино, несмотря на мое огромное желание. Некоторые фрагменты автобиографичны, некоторые я писал в спешке, а некоторые и вовсе позабылись, так как голова у меня была занята другим... Я вернулся к ним почти так же, как возвращаются к старым фотографиям, где запечатлены счастливые мгновения нашей жизни, и мне нравится перечитывать эти записи, хотя я редко перечитываю то, что написал. Больше всего мне нравится, когда эти рассказы выходят за рамки описываемых ситуаций, за рамки газетных и журнальных статей, больше сообщая о моих интересах, переживаниях, о том, что я хотел в то время сказать и что Вирджиния Вулф когда-то определила как «моменты бытия».

Между 1996 и 1999 годом я каждую неделю писал в Стамбуле статьи в полуполитический, полуюмористический журнал «Окюз» («Бык»), которые сам иллюстрировал. Это были короткие, написанные почти с поэтическим воодушевлением, за один присест, очерки, и мне очень нравилось рассказывать в них о моей дочери Рюйе, вновь открывая для себя мир и воспринимая его посредством слов. С годами я все больше верю, что задача литературы заключается не столько в том,

чтобы рассказывать о мире, сколько в том, чтобы «смотреть на мир посредством слов». С того момента, когда писатель начинает пользоваться словами, как художник — красками, он вновь открывает для себя, как удивителен и прекрасен мир, и, преодолевая застенчивость своего языка, обретает собственный голос. Для этого ему нужны бумага и ручка, а еще оптимизм ребенка, который вдруг впервые увидел мир.

Я собрал все эти наброски, чтобы составить совершенно новую книгу на автобиографической основе. Многие рассказы я выкинул, некоторые сократил, извлекая отрывки из дневников и сотен интервью, и разбросал их по книге, радуясь, что я составляю непрерывную историю. Например, три речи, прочитанные мной по случаю вручения трех премий, которые были изданы как на турецком, так и на других языках мира отдельной книжечкой «Чемодан моего отца» (туда входила одноименная нобелевская лекция, речь «В Карсе и Франкфурте», прочитанная на вручении Премии мира Союзом немецких книготорговцев, и речь «Предполагаемый автор», которую я произнес на Ежегодной конференции по мировой литературе Путербо в Университете Оклахомы), в этой книге помещены в разные части, чтобы соответствовать ходу автобиографического повествования.

Данная версия «Других цветов» создана на основе одноименной книги, выпущенной в 1999 году в Стамбуле, но то был сборник статей, а книга, которую вы сейчас держите в руках, трансформировалась в цикл автобиографических очерков, воспоминаний и размышлений. Рассуждения о Стамбуле, о любимых книгах, писателях и картинах всегда служили для меня поводом говорить о жизни. Заметки о Нью-Йорке я написал в 1986 году, когда впервые приехал в этот город, — хотел запечатлеть первые ощущения иностранца и думал о том, как их воспримет турецкий читатель. Завершающий книгу рассказ «Взгляд из окна» настолько автобиографичен, что имя героя могло вполне быть Орхан. Однако старший брат в этом рассказе, жестокий и деспотичный — как все старшие братья в моих романах, совершенно не похож на моего настоящего старшего брата, Шевкета Памука, известного профессора экономики. Когда я составлял эту книгу, я с тревогой заметил,

что у меня прослеживается явная тяга к природным катаклизмам (например, землетрясениям) и катаклизмам социальным (политика), и тогда я исключил несколько мрачных политических статей. Я всегда верил, что во мне сидит страстный и неумолимый графоман — существо, которое постоянно пишет и не может насытиться и для которого слова являются смыслом жизни, — и мне нужно все время что-нибудь писать, чтобы он был доволен. Но когда я занимался этой книгой, я увидел, что графоману во мне будет гораздо приятнее и он будет меньше страдать от своей болезни, если станет работать с редактором, который придаст всему, что он написал, основную идею, форму и смысл. Я хочу, чтобы внимательный читатель отметил мои творческие усилия как редактора и мои старания как писателя.

Я, как и многие, люблю немецкого писателя и философа Вальтера Беньямина. Но чтобы позлить одну приятельницу, которая слишком уж им восхищается (она занимается наукой, естественно), я иногда говорю: «И что в нем такого уж великого, в этом писателе? Он сумел закончить всего несколько книг и прославился не теми книгами, которые дописал, а теми, что никогда не мог завершить». А моя приятельница говорит, что труды Беньямина безграничны, как сама жизнь, и, следовательно, существуют в виде фрагментов, поэтому-то многие исследователи пытаются придать им смысл, как, впрочем, и жизни. А я всякий раз улыбаюсь и отвечаю: «Однажды я тоже напишу книгу, состоящую из фрагментов». Вот эта книга; она обрамлена рамками, что предполагает наличие главенствующей идеи, ядра, которое я попытался скрыть, и я надеюсь, что читателям понравится представлять себе это ядро в жизни реальной.

Жизнь и заботы

Глава 1 ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АВТОР

Я пишу уже тридцать лет. И давно повторяю эти слова. Я так много раз повторял их, что они перестали быть правдой, потому что сейчас уже пошел тридцать первый год моего писательства. И все-таки приятно говорить: я уже тридцать лет пишу романы, хотя это и не совсем верно. Время от времени я пишу что-нибудь другое: очерки, критические статьи, заметки о Стамбуле или о политике, речи... Но моим главным призванием, тем, что привязывает меня к жизни, является написание романов. Многие блестящие писатели пишут гораздо дольше меня, пишут уже более полувека, не привлекая к этому процессу особого внимания... А творческая жизнь таких великих писателей, как Толстой, Достоевский или Томас Манн, которых я с восторгом и любовью перечитываю вновь и вновь, вообще длилась не тридцать лет, а более пятидесяти... Почему же я придаю так много значения тридцати годам моей писательской деятельности? Я делаю это потому, что хочу говорить о процессе написания книги и в особенности о написании романа как о привычке.

Чтобы чувствовать себя счастливым, мне нужно каждый день получать определенную дозу литературы. В этом я похож на больных, которым каждый день нужно принимать по ложке лекарства. В детстве я узнал, что больным сахарным диабетом нужно каждый день делать укол, чтобы вести нормальный образ жизни, и мне было очень жаль их; мне даже казалось, что они наполовину мертвы. И я тоже живу наполовину из-за моей зависимости от литературы. Раньше, особенно в молодости, я думал, что меня считают оторванным от реальной жизни, а поэтому обреченным на полумертвое состояние. Может быть, правильнее было бы назвать это состояние

полупрозрачным. Часто мне даже казалось, что я мертв и пытаюсь вдохнуть жизнь в свой труп с помощью литературы. Литература для меня — это лекарство. Лекарство, которое принимают ложками или в виде инъекций, литература, которую мне «необходимо принимать» каждый день — моя «доза», если можно так сказать, — должна обладать определенными свойствами и определенной консистенцией.

Прежде всего, «лекарство» должно быть хорошим. Под качеством я понимаю искренность и силу. Ничто не доставляет мне столько счастья и ничто так крепко не привязывает меня к жизни, как чтение отрывка какого-либо насыщенного, глубокого романа, в мир которого я смог поверить. Я также предпочитаю, чтобы автора уже не было в живых, чтобы ни малейшая тень зависти не омрачала моего восхищения. С возрастом я замечаю, что самые лучшие книги написаны уже умершими писателями. А если они еще живы, то незримо присутствуют среди нас, как призраки. Поэтому, когда мы видим великих писателей на улице, мы волнуемся, словно видим призраков, и, не веря своим глазам, с интересом наблюдаем за ними издали. Редкие смельчаки осмеливаются подойти к призраку и попросить у него автограф. Иногда я говорю себе, что через какое-то время этот писатель тоже умрет и его книги будут еще сильнее волновать нас. Но конечно же, так бывает не всегда.

Если я пишу, мне ежедневно нужна совершенно иная «доза литературы». Потому что самое лучшее лекарство для тех, кто страдает той же болезнью, что и я, источник самого большого счастья — писать каждый день по полстраницы хорошего текста. Уже тридцать лет я пишу почти каждый день за своим столом, у себя в комнате, не меньше десяти часов. Если посчитать только то из написанного, что оказалось достойным и было опубликовано, за тридцать лет получается в среднем меньше чем полстраницы в день. К тому же то, что я написал, слегка недотягивает до уровня, который я считаю «достойным». Вот вам две важные причины, чтобы чувствовать себя несчастным.

Но я хочу, чтобы вы правильно меня понимали: писатель, который так привязан к литературе, как я, не настолько по-

верхностен, чтобы чувствовать радость от красоты созданных им книг либо гордиться их успехом или количеством. Литература ему нужна не для того, чтобы спасти свою жизнь, а для того, чтобы спастись от тяжелого дня, который он переживает. А дни всегда тяжелые. Жизнь трудна, если вы не пишете. Трудна потому, что вы не можете писать. И еще потому, что вы пишете, ведь писать очень трудно. Главное заключается в том, чтобы суметь обрести надежду среди этих трудностей и прожить день, и, если книга и ее страницы, которые уносят вас в другой мир, удалась, радоваться в тот день и чувствовать себя счастливым.

Хочу рассказать, что я чувствую, когда не удастся хорошо поработать или не смог потеряться в какой-нибудь книге. Сначала мир начинает казаться мне неприятным, в чем-то даже отвратительным; те, кто знает меня, сразу это замечают, потому что я становлюсь похожим на этот мир. Например, по тоскливому выражению моего лица вечером дочь сразу понимает, что днем мне не удалось как следует поработать. Я пытаюсь скрыть это от нее, но у меня не получается. В такие черные минуты мне кажется, что нет разницы между жизнью и смертью. Я не хочу ни с кем разговаривать, и те, кто видит меня в таком состоянии, тоже не хотят со мной разговаривать. Вообще-то, я переживаю нечто похожее, но в легкой форме каждый день после полудня, с часа до трех, но я уже знаю, что лучшее лекарство от этого — работа и чтение, и, если я начинаю действовать своевременно, мне удастся спасти положение, прежде чем я полностью превращусь в живой труп. Если я долго не принимал свое лекарство из чернил и бумаги из-за поездок, необходимости заплатить за газ, службы в армии (это было давно), политических событий (это было недавно) и каких-либо других помех, я чувствую, что каменею от горя. Тело подчиняется мне с трудом, ноги деревенеют, голова становится квадратной, и даже пот, кажется, пахнет как-то по-другому. И эти страдания могут продлиться долго: жизнь полна наказаний, отдаляющих человека от литературы. Я могу принимать участие в многолюдном политическом собрании; болтать с друзьями в коридоре университета; ужинать с родственниками в праздничный день; пытаться вести бесе-

ду с хорошим человеком, у которого голова забита тем, что он видел по телевизору, или с которым мы не совпадаем во взглядах; присутствовать на важной деловой встрече или, как обычно, пойти за покупками, к нотариусу или фотографу за фотографией на визу, — как вдруг внезапно мои веки тяжелеют и я засыпаю среди дня. Когда я далеко от дома, когда я не могу вернуться к себе в комнату и остаться один, моим единственным утешением становится сон среди дня.

Да, наверное, моей главной потребностью является не литература, а уединение в комнате, где я предаюсь мечтам. Когда я один, все эти собрания, семейные и университетские встречи или праздничные ужины, как и присутствующие на них люди, кажутся мне очень приятными. Я дополняю эти праздничные ужины воображаемыми деталями, а людей делаю еще более забавными. В моих мечтах, конечно же, все становится интересным, чарующим, настоящим. Из этого хорошо знакомого мира я создаю новый мир. Теперь мы дошли до самого главного. Для того чтобы хорошо поработать, мне нужно сильно заскучать; а чтобы сильно заскучать, мне нужно оказаться там, где жизнь бьет ключом. Именно там, среди шума и гама, где-нибудь в офисе, где звонит куча телефонов, или на солнечном морском берегу в окружении родных и близких, или на похоронах в дождливую погоду, то есть тогда, когда я вот-вот начну ощущать себя в самой гуще событий, я внезапно начинаю чувствовать, что на самом деле я больше не участвую в происходящем, а смотрю на все со стороны. Я начинаю мечтать. Если у меня плохое настроение, я думаю только о том, как мне скучно. А если нет, то внутренний голос велит мне вернуться в комнату и сесть за стол. Не знаю, как в таком случае ведут себя другие, но такие, как я, только так и становятся писателями. И мне кажется, что в этом случае обычно создается проза, роман, а не поэзия. Таким образом мы узнаем еще кое-что о свойствах лекарства, которое мне нужно обязательно принимать каждый день. Теперь понятно, что его активными компонентами являются скука, обычная жизнь и сила воображения.

Удовольствие, которое я получаю от этого признания, и страх, который я ощущаю, когда честно рассказываю о себе,

ведут меня к пониманию весьма серьезного и важного момента, о котором мне хочется рассказать. Я предлагаю крайне простую теорию процесса написания книги, который начинается с того, что на первом этапе работа является утешением и даже лекарством, по крайней мере для таких писателей, как я: мы выбираем темы и формы своих романов сообразно нашей повседневной потребности мечтать. На создание романа влияют мысли, страсти, гнев, желания, мы все об этом знаем. Радовать наших возлюбленных, унижать наших врагов, хвалить то, чем мы восхищаемся, разговаривать о том, что мы любим, с удовольствием рассуждать о том, чего совершенно не знаем, с наслаждением вспоминать о чем-то либо не вспоминать вообще, желать быть любимым, желать, чтобы тебя читали, интересоваться политикой, желать удовлетворить чьи-то потребности, личные пагубные страсти — эти и множество других неясных, абсурдных желаний тайно или явно направляют нас... Те же самые желания оказывают влияние и на наши мечты, о которых мы хотим говорить. Мы можем точно не знать, откуда появились наши желания и что означают наши мечты, но, когда мы начинаем писать, мы хотим, чтобы они направляли нас, подталкивали, словно неизвестно откуда задувший ветер. Можно даже сказать, что мы подчиняемся воле этих темных сил. Мы походим на капитана корабля, который не знает, куда плыть... Но краешком сознания мы все-таки понимаем, в каком месте мы находимся и куда хотим доплыть. Даже тогда, когда я полностью подчиняюсь воле ветра, я, по сравнению с другими писателями, которых я знаю и которыми восхищаюсь, примерно помню свое основное направление и предполагаю, куда я иду. Перед тем как отправиться в путь, я составляю план: делю рассказ, который собираюсь написать, на части, в зависимости от того, в какие порты предстоит зайти моему кораблю, какие грузы загрузить, а какие — выгрузить и сколько приблизительно времени займет мое путешествие, и отмечаю все это у себя на карте. Но если все-таки мой парус раздувается порывом ветра и решает изменить направление рассказа, я не противлюсь этому. На самом деле кораблю необходимы полнота и целостность, когда он идет под раздутыми парусами. Словно я ищу

некое особое место и время, где одно перетекает в другое, где все связано между собой, где все знает обо всем. Между тем ветер потихоньку успокаивается, и я замечаю, что застыл там, где царит полный штиль. И все же я чувствую, что и в этих спокойных водах, покрытых туманом, скрывается нечто, что поможет моему роману медленно плыть вперед... Я больше всего хочу, чтобы поэтическое вдохновение, о котором я рассказывал в романе «Снег», посетило и меня. Это разнообразие вдохновения, о котором писал Колридж, пережив его во время создания поэмы «Кубла Хан»... Я страстно желаю, чтобы меня посетило такое же вдохновение (так Колриджу пришла его поэма, а герою романа «Снег» Ка — его стихи), яркое и впечатляющее, желательно уже в виде готовых сцен и ситуаций, которые сразу можно поместить в роман. Если я терпеливо и внимательно жду, то мое желание сбывается. Писать книгу — значит быть открытым этим желаниям, ветрам, порывам вдохновения, темным уголкам сознания и минутам туманной неясности и застоя.

А роман — это история, что идет под парусом, наполненным этими ветрами; она отражает различные формы вдохновения и объединяет общим смыслом то, что мы воображаем и создаем в своем сознании. Но прежде всего роман — это сосуд, заключающий в себе полный жизни воображаемый мир, туда мы хотим иметь возможность попасть в любой момент. Романы состоят из фрагментов наших фантазий, которые помогают нам оказаться в мире книги и как можно быстрее забыть о скучном реальном мире. Чем больше мы пишем, тем богаче становятся эти фантазии, тем просторнее, совершеннее, насыщеннее и прекраснее становится этот воображаемый мир. Мы познаем этот мир, пока пишем, и чем лучше мы его узнаем, тем проще сохранить его в своем сознании. Если я нахожусь на середине романа и работается легко, я с легкостью вхожу в его мир фантазий. Ведь романы — это новые миры, куда мы входим, когда читаем их, и, наверное, существуем, когда их пишем: писатель придает книгам форму, он хочет, чтобы они выражали фантазии, его фантазии. Внимательно читателю они дарят счастье, хорошему писателю они дарят надежный, прочный новый мир, укрывшись в котором

он будет счастлив в любой час дня. Если я подхожу к рабочему столу, на котором лежат мои тетради и ручка, и чувствую, что могу создать хотя бы маленькую часть того чудесного мира, я счастлив. Я мгновенно выхожу из привычного, банального мира и оказываюсь в другом — просторном и свободном, и обычно мне не хочется ни возвращаться в реальную жизнь, ни завершать роман, поскольку это будет означать, что я прекращаю созидать мир, который с каждой минутой становится все многограннее. Мои чувства похожи на просьбы некоторых читателей, которые говорят мне: «Пожалуйста, пусть новый роман будет подлиннее!» Я горжусь, что слышу эти слова в тысячи раз чаще, чем вечные слова издателей: «Пожалуйста, пишите покороче!»

Как получается, что привычка, прихоть одного человека рождает то, что вызывает интерес у других людей? Те, кто читал «Имя мне — Красный», помнят, что в конце романа Шекюре говорит о том, что тот, кто пытается все объяснить, является глупцом. Я в данной ситуации разделяю мнение Шекюре, а не моего тезки, маленького героя по имени Орхан, над которым подсмеивается его мать. Но, если позволите, я все же совершу глупость, поведу себя как Орхан и попытаюсь объяснить, почему фантазии, что служат лекарством писателю, могут лечить и других людей: потому что если я целиком погрузился в свой роман и работа идет хорошо — если я сумел отгородиться от телефонных звонков, вопросов, требований и проблем повседневности, — то правила, по которым существует мой рай, где я пребываю со своей книгой и где можно свободно парить в воздухе, напоминают мне правила игр моего детства. Все становится проще, я словно нахожусь в мире, где могу заглянуть в каждый дом, машину, корабль, — все сделано из стекла; все предметы посвящают меня в свои тайны. Единственное, что мне остается делать, — предугадывать эти правила и слушать; с удовольствием наблюдать за тем, что происходит внутри домов; ездить на автобусах и машинах с моими героями и гулять по Стамбулу; а если мне вдруг становится скучно — смотреть на увиденное по-новому, меняя его; все, что мне остается делать, — быть счастливым, не заботясь ни о чем, ведь, пока я веселюсь как ребенок, я узнаю что-то новое.

Основное преимущество работы писателя, если он одарен воображением, заключается в умении, как ребенок, отвлекаться от мира и забывать о нем, и, радуясь всем сердцем, забывать об ответственности; в умении играть, словно игрушками, правилами обычного мира и, ощущая наивную радость и свободный полет воображения, все-таки испытывать чувство ответственности — ведь через некоторое время в этом мире окажутся читатели. Писатель может играть весь день, но в глубине души он понимает, что должен быть серьезнее всех. Именно ему дано видеть суть вещей так, как видят только дети. И, устанавливая правила своей игры, он чувствует, что читатели тоже поддадутся притяжению его правил, языка, предложений, притяжению рассказа и последуют за ним. Быть писателем — это значит заставить сказать читателя: «Я тоже хотел сказать именно это, но не мог бы выразить так просто».

Этот мир я открываю, создаю и делаю ярче, ожидая, пока неизвестный ветер наполнит мои паруса, и фантазирую, глядя на карту, но иногда детское простодушие этого мира оказывается недоступным для меня. Такое случается с каждым писателем. Иногда я застаю на каком-либо эпизоде или мне хочется вернуться к какому-нибудь фрагменту романа, но я чувствую, что не могу этого сделать. Подобные ситуации случаются часто, но я, наверное, страдаю от них немного меньше, чем другие писатели, — если я не могу продолжить с того места, где остановился, то я могу всегда повернуть в обратном направлении, попасть в роман другим путем и продолжить его с другой главы: ведь я внимательно смотрю на свою карту. Это не так важно. Однако прошлой осенью, когда я был занят решением некоторых проблем политического характера, я вновь пережил трудные минуты, я понял, что не могу продолжать писать, и я почувствовал, что обнаружил нечто, что тоже имеет отношение и к написанию романа. Постараюсь объяснить.

Судебное дело, открытое против меня, и политическая ситуация, в которой я оказался, сделали меня более «политически активным», «серьезным» и «ответственным», чем я есть. Позвольте, я вспомню об этом с улыбкой — плачевное поло-

жение дел и еще более плачевное душевное состояние, поэтому я не мог ощутить в себе детское простодушие, необходимое для работы... Все было понятно, я не очень удивлялся. Когда все пройдет, говорил я себе, я вновь обрету мимолетное чувство «беззаботности», детскую способность играть и способность по-детски смеяться и закончу роман, над которым работаю уже три года. И тем не менее я каждое утро, до того как проснутся десять миллионов жителей Стамбула, садился за стол и в безмолвии сменяющейся утром ночи пытался вновь войти в недописанный роман. Я предпринимал над собой усилия, я старался войти в тот прекрасный мир, который я так любил. В результате мне удавалось извлечь из своего сознания куски романа и увидеть их... Но то был не роман, над которым я работал; то были сцены совсем другой истории. В эти тоскливые, безрадостные дни меня каждое утро все чаще посещали сцены, предложения, герои и странные детали какой-то совершенно другой книги... Вскоре я начал записывать отрывки этого нового романа в тетрадь и замечать детали, которых не замечал раньше. Этот роман должен был рассказать о картинах уже умершего современного художника. Так как я представлял себе этого художника, то воображал и написанные им картины. Через некоторое время я понял, почему не мог вернуться к детскому ощущению беззаботности в те печальные дни. Я не мог вспомнить ощущения ребенка, я мог вспомнить лишь свое детство, те дни, когда я мечтал быть художником (о чем я рассказывал в своей книге «Стамбул») и все время рисовал.

Потом судебное разбирательство против меня прекратилось, и я вернулся к роману под названием «Музей невинности», над которым работал уже три года. И все-таки сейчас я планирую когда-нибудь написать тот роман, который сцена за сценой являлся мне. Этот опыт показал мне, какую роль играют некоторые моменты духовного бытия в загадочном искусстве написания романа.

Я сумею объяснить это, употребив понятие «предполагаемый читатель», появившееся благодаря гению великого литературного критика и литературоведа Вольфгана Изера, слегка изменив его сообразно моим целям. Изер разработал блес-

тящую теорию, касающуюся читателя. Он сказал, что смысл романа, который мы читаем, заключается не в самом тексте и не в среде написания, а в некоем промежуточном измерении. Согласно Изеру, смысл книги возникает тогда, когда ее читают, и, говоря о «предполагаемом читателе», он приписывает именно ему эту важную функцию.

Когда я вообразил сцены, предложения и подробности совершенно другой книги — вместо той, над которой я хотел продолжать работать, я вспомнил именно об этой теории и подумал, что у каждой еще не написанной, но уже придуманной и запланированной книги (включая и мою недописанную книгу) должен быть предполагаемый автор. Итак, я сумел бы закончить книгу только тогда, когда сумел бы стать предполагаемым автором! Но в то время, когда я был занят решением политических проблем и бытовых ситуаций, я не мог стать писателем, которого подразумевала придуманная мною книга. И в те полные хлопот, печальные дни, когда шло судебное разбирательство, я тоже не мог стать писателем, которого подразумевала книга, которую я очень хотел написать. Потом все закончилось, я вернулся к своему роману — любовной истории, действие которой происходит между 1975 годом и нашим временем, произошедшей в состоятельной стамбульской семье, или, как выражаются газеты, «в семье из высшего света Стамбула», — и к прежнему состоянию, которое так жаждал вновь обрести. Когда я думаю о том, что скоро закончу этот роман, я чувствую себя счастливым. Но, пережив столь важный опыт, я понял, что на самом деле все эти тридцать лет посвящал себя тому, чтобы быть предполагаемым автором книг, которые я желал написать. Возможно, в моем случае это особенно важно, так как я всегда хотел писать толстые, серьезные, претенциозные книги и так как пишу я медленно. Представить себе книгу нетрудно. Я часто это делаю, так же как и часто воображаю себя другим человеком. Трудно стать предполагаемым автором книги, которую вы вообразили.

Но я не хочу жаловаться. Раз я уже написал и издал семь романов, хотя для этого и потребовались некоторые усилия, я готов с уверенностью заявить, что могу стать автором книг

моей мечты. Подобно тому как я оставил в прошлом уже написанные мной книги, так я оставил позади и призраки авторов, которые могли бы их написать. Все семь «предполагаемых авторов», так похожих на меня, за тридцать лет познали, как выглядят мир и жизнь, когда смотришь на них из Стамбула, из окна, похожего на мое, они знают этот мир изнутри, верят в него и могут рассказывать о нем с детской серьезностью и ответственностью.

Я очень надеюсь, что смогу писать романы еще тридцать лет и под этим предлогом сумею прожить другие жизни под масками других людей.

Глава 2 МОЙ ОТЕЦ

В тот вечер я пришел домой поздно. Мне сказали, что отец умер. Когда прошла первая волна боли, я мысленно увидел его таким, как помнил с детства, каким я видел его дома: тонкие ноги в коротких шортах.

В два часа ночи я пришел к нему домой, чтобы повидать его в последний раз. «Там, в комнате», — указали мне, я пошел туда. Позднее, под утро, когда я возвращался домой по проспекту Валиконагы, улицы квартала Нишанташи, где я живу уже пятьдесят лет, были пустыми и холодными, а огни витрин — далекими и чужими.

Утром, невыспавшийся, я разговаривал по телефону, принимал посетителей, решал организационные и бюрократические вопросы и, пока получал записки, просьбы, поручения, решал мелкие споры и писал некролог, кажется, понял, почему всегда похороны внезапно становятся важнее самого факта смерти.

Под вечер мы поехали на кладбище Эдирнекапы, чтобы выполнить необходимые формальности, подготовить могилу. Мой старший и двоюродный братья ушли в маленькое здание дирекции кладбища, и мы остались сидеть вдвоем с водителем на передних сиденьях. Тогда водитель сказал, что он меня узнал.

— У меня отец умер, — сказал я ему.

И совершенно неожиданно, к своему удивлению, начал рассказывать ему об отце. Я говорил, что он был очень хорошим человеком и, что еще важнее, что я его очень любил. Солнце уже почти село. На кладбище было пусто и тихо. Бетонные городские дома, возвышающиеся за ним, утратили свой обычный унылый вид и излучали странный свет. Пока я рассказывал, бесшумный холодный ветер медленно раскачивал кладбищенские кипарисы и чинары — их вид поразил меня, они напоминали тонкие ноги отца.

Когда стало понятно, что придется долго ждать, водитель, сказавший, что он мой тезка, два раза сочувственно хлопнул меня по спине и уехал. То, о чем я рассказывал ему, я не рассказывал больше никому. Но неделю спустя то, что давило на меня изнутри, слилось с воспоминаниями и грустью. Если бы я не выразил это словами, чувство, возможно, усилилось бы, сделав мне гораздо больнее.

То, что я говорил водителю, моему тезке, что «отец даже ни разу сердито не посмотрел на меня, ни разу не отругал меня, ни разу не ударил», я говорил из эгоизма, думая о себе. Я забыл сказать о его потрясающей доброте. Он с искренним восхищением смотрел на каждый сделанный мной в детстве рисунок; любой написанный мной фрагмент он изучал, как шедевр, и искренне смеялся моим самым плоским и пресным шуткам. Если бы не уверенность, которую он вселил в меня, мне было бы гораздо сложнее стать писателем и сделать это делом своей жизни. Его вера в нас и то, с какой легкостью отец внушил мне и брату, что мы выдающиеся и исключительные, шли от его искреннего восхищения собой и уверенности в себе. И он искренне и по-детски верил, что и мы должны быть такими же блестящими, талантливыми и сообразительными, как он, просто потому, что мы его сыновья.

Да, он был способным: он мог мгновенно запомнить и прочитать наизусть стихотворение из Дженаба Шахабеддина, вычислить число «пи» до пятнадцатого разряда или блестяще предсказать, чем закончится фильм, который мы смотрели вместе. А еще ему нравилось рассказывать истории о своей сообразительности. Он любил вспоминать один случай: ко-

гда он учился в средней школе и все еще ходил в коротких штанишках, учитель по математике посреди занятий пригласил его на урок в самый старший класс лицея и похвалил его, сказав: «Молодец!» — после того как маленький Гюндюз решил на доске задачку, которую не могли решить его старшие соученики, а он потом повернулся к остальным и сказал: «Вот вам!» Его сообразительность порождала во мне какую-то застенчивость, я ощущал нечто среднее между завистью и желанием быть таким, как он.

Могу сказать то же и о его привлекательной внешности. Все говорили, что я похож на него, но он был намного красивее меня. Как и наследство, доставшееся ему от отца (моего деда), которое он, несмотря на многочисленные банкротства, все никак не мог потратить, его привлекательность тоже сделала его жизнь легкой и веселой, и даже в самые тяжелые дни его никогда не покидали простодушный оптимизм, невероятная уверенность в себе и доброта, отличавшие его от окружающих. Жизнь для него была не соревнованием, а удовольствием. Он воспринимал мир не как поле боя, а как площадку для игр и развлечений, и с возрастом он стал слегка грустить из-за того, что его состояние, умственные способности и привлекательность, которыми он вволю наслаждался в молодости, не принесли столько славы и власти, сколько ему хотелось. Но, как и все остальное, это тоже не слишком огорчало его. Он мог совершенно спокойно отрешиться от проблемы, так же просто и бездумно, как ребенок, избавиться от причинявших ему боль людей и неприятностей. И хотя его жизнь после тридцати лет стала либо повторением пройденного, либо движением назад, я не слышал, чтобы он много жаловался. Однажды, уже будучи пожилым человеком, отец обедал с одним известным критиком, который, когда мы с ним встретились позже, с легким негодованием сказал мне: «У твоего отца нет никаких комплексов!»

Его оптимизм и веселый нрав, делавшие его похожим на Питера Пэна, удерживали его от злобы и страстей. Он не стал выдающимся литератором, хотя некогда очень много читал, мечтал стать поэтом, перевел немало стихотворений французского поэта Поля Валери, и я объясняю это тем, что он был

слишком спокойным и слишком уверенным в своем будущем, чтобы не поддаваться страстям литературного творчества. У него была хорошая библиотека, и ему нравилось, что в годы отрочества я безжалостно разграблял ее. Но он читал книги не так, как я, — жадно, с головокружением, он читал ради удовольствия, чтобы отвлечься, и большую часть книг бросал недочитанными. В то время как другие отцы рассказывали своим сыновьям о великих религиозных или военных деятелях, он рассказывал о том, как гулял по улицам Парижа и видел Сартра или Камю (более близкий ему писатель), и его рассказы производили огромное впечатление на меня. Спустя много лет Эрдал Инёню (друг детства, однокурсник отца по Стамбульскому техническому университету, сын второго президента Турции, Исмета Инёню, ставшего преемником Ата-тюрка) однажды, на открытии какой-то выставки, рассказал мне с улыбкой об одном ужине в президентском особняке в Анкаре, на котором присутствовал мой отец, которому тогда было двадцать лет. Когда Исмет-паша заговорил о литературе, отец спросил: «Почему у нас нет всемирно известных писателей?» Десять лет спустя после того, как начали издавать мои книги, отец, слегка смущаясь, отдал мне маленький чемодан. Я очень хорошо знаю, почему мне было не по себе читать тетради, стихотворения, литературные опыты и записки, которые я обнаружил там: все мы хотим, чтобы наш отец был не таким, какой он есть на самом деле, а таким, каким мы хотим его видеть.

Я очень любил, когда он водил меня в кино и потом слушал, как я обсуждаю увиденный нами фильм с кем-то другим; я любил его шутки о глупых, злых и бездушных людях; его разговоры о новом сорте фруктов, о городе, в котором он побывал, о последних новостях, о какой-нибудь книге; но больше всего я любил, когда он гладил и ласкал меня. Мне очень нравилось, когда он катал меня на машине, потому что это означало, что я на некоторое время не потеряю его. Я любил эти автомобильные прогулки, потому что, когда он вел машину, он мог свободно говорить со мной на самые щепетильные, трудные и тонкие темы, и мы не смотрели друг другу в глаза. Через некоторое время он начинал шутить, а потом, поймав

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЖИЗНЬ И ЗАБОТЫ

Глава 1. Предполагаемый автор	11
Глава 2. Мой отец	21
Глава 3. Записки о 29 апреля 1994 года	26
Глава 4. Весенний день	30
Глава 5. Вечером, когда смертельно устанешь	32
Глава 6. Когда проснешься ночью, в тишине	33
Глава 7. Как вы можете спать — ведь вещи разговаривают!	35
Глава 8. С тех пор, как я бросил курить	36
Глава 9. Чайка под дождем	38
Глава 10. Чайка умирает на берегу	39
Глава 11. Быть счастливым	40
Глава 12. Мои часы	42
Глава 13. Я не пойду в школу	44
Глава 14. Мы с Рюйёй	47
Глава 15. Когда Рюйе грустно	48
Глава 16. Пейзаж	50
Глава 17. Что мне известно о собаках	52
Глава 18. О поэтическом правосудии	54
Глава 19. После бури	56
Глава 20. Здесь, давно	58
Глава 21. Дом одинокого человека	60
Глава 22. Парикмахеры	63
Глава 23. Пожары и развалины	68

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 24. Сандвич	72
Глава 25. Босфорские паромы	77
Глава 26. Острова	80
Глава 27. Землетрясение	85
Глава 28. Стамбульская боязнь землетрясения	94

КНИГИ И ЧТЕНИЕ

Глава 29. Как я избавляюсь от некоторых книг	107
Глава 30. О чтении: слова или картинки	110
Глава 31. Радость чтения	112
Глава 32. Девять замечаний относительно книжных обложек	114
Глава 33. Читать или не читать: сказки «Тысячи и одной ночи»	115
Глава 34. У каждого должен быть такой дядя	120
Глава 35. Мания величия Виктора Гюго	132
Глава 36. «Записки из подполья» Достоевского: наслаждение от унижения	133
Глава 37. Зловещие «Бесы»	141
Глава 38. «Братья Карамазовы»	144
Глава 39. Жестокость, красота и время: «Ада» и «Лолита» Набокова	150
Глава 40. Альбер Камю	156
Глава 41. Перечитываемая Томаса Бернхарда, когда взгрустнулось	158
Глава 42. Мир романов Томаса Бернхарда	160
Глава 43. Марио Варгас Льюса и литература стран третьего мира	165
Глава 44. Салман Рушди: «Сатанинские стихи» и свобода писателя	171

ПОЛИТИКА, ЕВРОПА И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Глава 45. Речь, произнесенная на заседании Международного ПЕН-клуба, в качестве лекции для фонда Артура Миллера	177
Глава 46. Входа нет!	182
Глава 47. Где Европа?	185

Глава 48. Как стать жителем Средиземноморья: краткое руководство	190
Глава 49. Мой первый паспорт и путешествия в Европу ...	194
Глава 50. Публичный дневник Андре Жида: личное прочтение	202
Глава 51. Политика и семейные застолья	215
Глава 52. Злость униженных	219
Глава 53. Правила дорожного движения и законы шариата	223
Глава 54. В Карсе и Франкфурте: речь, произнесенная на вручении Премии мира Союзом немецких книготорговцев	227
Глава 55. В суде	240
Глава 56. Для кого вы пишете?	244

МОИ КНИГИ — МОЯ ЖИЗНЬ

Глава 57. Послесловие к роману «Белая крепость»	251
Глава 58. «Черная книга»: десять лет спустя	258
Глава 59. Фрагменты некоторых интервью о романе «Новая жизнь»	264
Глава 60. Фрагменты некоторых интервью о романе «Имя мне — Красный»	268
Глава 61. О романе «Имя мне — Красный»	280
Глава 62. Отрывки черновиков романа «Снег», написанные в Карсе	282

РИСУНКИ И ТЕКСТЫ

Глава 63. Изумление Ширин	293
Глава 64. В древнем как мир лесу	302
Глава 65. Нераскрытые убийства и детективные романы: колумнист Четин Алтан и шейх-уль-ислам Эбуссууд-эфенди	303
Глава 66. Антракт, или «О, Клеопатра!»	313
Глава 67. Почему я не стал архитектором	317
Глава 68. Мечеть Селимие	326
Глава 69. Беллини и Восток	328
Глава 70. Черное Перо	338
Глава 71. Смысл	345

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГИЕ ГОРОДА, ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 72. Моя первая встреча с американцами 349

Глава 73. Взгляд из столицы мира: Нью-Йорк-1986 352

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ЖУРНАЛА

«THE PARIS REVIEW» 375

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА 399

ЧЕМОДАН МОЕГО ОТЦА 425

Памук О.

П 15 Другие цвета : очерки, эссе / Орхан Памук ; пер. с тур. А. Аврутиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-08967-9

«Другие цвета» — настоящий подарок всем поклонникам известного турецкого писателя Орхана Памука. Эта книга составлена по принципу калейдоскопа из самых разных текстов: здесь и автобиографические зарисовки, и небольшие рассказы, и размышления о творчестве любимых писателей, и нобелевская лекция, и очерк о стамбульских землетрясениях. «Другие цвета» — самая личная книга Памука, в которой автор делится своими страхами, вспоминает печальные и радостные события своей жизни и приподнимает завесу над некоторыми тайнами своего творчества.

УДК 821.512.161

ББК 84(5Тур)-44

Литературно-художественное издание

ОРХАН ПАМУК
ДРУГИЕ ЦВЕТА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.01.2017. Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 23,52.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YAUM1697901R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/